

«ДЕЛО ПРОТОИЕРЕЯ ГЕРАСИМА ПАВСКОГО»: ПРОБЛЕМА «ИСТОРИЗМА» В РУССКОЙ БИБЛЕИСТИКЕ

Данная статья посвящена одной из наиболее ярких личностей в истории русского богословия — протоиерею Герасиму Петровичу Павскому, выпускнику и профессору Санкт-Петербургской духовной академии, известному филологу и библеисту. Несмотря на известность протоиерея Герасима, его библейско-богословские труды и методы так и не были полноценно включены в общую историю русского богословия. Автор статьи выделяет важнейшие моменты жизненного пути протоиерея Герасима Павского, включая знаменитое «дело о переводе», но основное внимание концентрирует на выявлении исследовательских принципов протоиерея Герасима. Характерной чертой статьи является рассмотрение научной деятельности Павского, с одной стороны, в церковном и духовно-учебном контексте его времени, с другой — в перспективе дальнейшего развития русского богословия.

Автор приходит к выводу, что протоиерей Герасим Павский был характерным плодом новой духовно-учебной концепции, осуществляемой в России в начале XIX в., с ее плюсами и минусами. Реализуя призыв к творческому развитию богословия, протоиерей Герасим несколько обогнал свое время и своих современников — почти на полвека. Но, шагнув так быстро и далеко, он совершил те ошибки, которые русские богословы делали в дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий, вводя исторический метод в свои исследования, ошибаясь, исправляясь и корректируя свои научные подходы. Для оценки богословских методов Павского автор статьи вводит понятие «сакрального историзма», недостаток которого, по мнению автора, и приводил протоиерея Герасима к некоторым парадоксальным результатам.

Ключевые слова: русская богословская традиция, высшая духовная школа, библеистика, исторический метод, святитель Филарет (Дроздов), протоиерей Герасим Павский.

Данная статья посвящена теме, с одной стороны, очень известной: к «делу протоиерея Герасима Павского», связанному с переводом Священного Писания на русский язык, часто обращаются историки Русской Православной Церкви первой половины XIX в.¹, упоминается оно и в истории библеистики². С другой стороны, богословские труды и идеи протоиерея Герасима так и не были полноценно включены в общую историю русского богословия. А это представляется значительным ущербом не только для трудов указанного библеиста, но и для всей нашей традиции. Разумеется, в рамках одной статьи бессмысленно пытаться решить столь масштабную задачу, поэтому внимание в этой статье сконцентрировано на проявлении в «деле протоиерея Герасима» одной из наиболее значимых проблем христианского богословия в целом и русского (сугубо!) – проблемы исторического метода.

Тема, несомненно, таит в себе загадку. С одной стороны, «исколизм», преломляясь в библеистической деятельности протоиерея Г. Павского, приводил к жестким коллизиям: и труды о. Герасима, и сам автор неоднократно подвергались критике, даже «келейному испытанию искренности раскаяния»³, а его подход к священному тексту был назван «ложным, не сообразным с достоинством Священного Писания»⁴. С другой стороны, последующие поколения

---

¹ См.: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 249–253.

² См.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 133–207; *Тихомиров Б. А.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: труды по переводу Священного Писания на русский язык // URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/39936.php> (дата обращения 01.12.2013).

³ *Барсов Н. И.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: Очерк его жизни по новым материалам // Русская старина (далее: РС). 1880. № 6. С. 220.

⁴ Мнение митрополита Филарета по поводу появления неправильного литографированного перевода на русский язык некоторых книг Ветхого Завета. 28 февраля 1842 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам: В 5 т. СПб., 1885–1888 (далее: Собрание мнений). Т. III. С. 54–55.

ученых высоко оценивали библеистические методы протоиерея Г. Павского и их результаты: один из преемников Павского, профессор еврейского языка и библейской археологии СПбДА И. Г. Троицкий, говорил о протоиерее Г. Павском как о «фокусе», «в котором сосредотачиваются черты научного направления» столичной академии⁵, а наш современник протоиерей Александр Мень назвал о. Герасима «пионером историко-филологического исследования Библии в России и родоначальником традиции русской библейско-исторической школы»⁶. В чем же загадка протоиерея Герасима Павского? Обогнал ли он время в своих библейско-исторических штудиях и в силу этого прорыва и отрыва не был понят современниками? Или же в «историзме» Павского была своя специфика, недопустимая в богословии?

В обращении к личности протоиерея Герасима есть дополнительный — юбилейный — интерес: в 2013 г. исполнилось 150 лет со дня его кончины († 6 (18) апреля 1863 г.). О почивших «либо хорошо, либо ничего», но протоиерей Герасим Павский был исследователем, не боявшимся критики, и сам был не чужд критических оценок. Поэтому при любых выводах само внимание к трудам ученого является данью его памяти.

Тем более и современники, и потомки — как духовные, так и светские — не жалели похвал для характеристики протоиерея Герасима как ученого, священника, человека. Так, еще при его жизни В. Г. Белинский писал, что Павский «один стоит целой Академией»⁷ (имеется в виду Академия наук). Один из биографов протоиерея Герасима священник С. В. Протопопов утверждал, что «имя протоиерея Герасима Петровича Павского принадлежит к числу тех имен, которые никогда не умирают в потомстве и добрая память о которых

---

⁵ Троицкий И. Г. Речь, произнесенная в актовом зале Санкт-Петербургской духовной академии в день столетнего юбилея со дня рождения покойного прот. Г. П. Павского 4 марта 1887 г. // Христианское чтение (далее: ХЧ). 1887. № 5/6. С. 732.

⁶ Мень А., прот. К истории русской православной библеистики // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 277.

⁷ Белинский В. Г. [Рец. на:] «Грамматические разыскания» В. А. Васильева (СПб., 1845) // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. IX: Статьи и рецензии 1845–1846 гг. М., 1955. С. 231.

с уважением передается из рода в род»⁸. Другой биограф – профессор СПбДА Н. И. Барсов – настаивал на том, что протоиерей Герасим – «одна из самых светлых личностей нашей новейшей истории, один из наиболее замечательных общественных деятелей первой половины настоящего столетия», «новатор в области богословия»⁹. Историограф этой академии А. С. Родосский, посвятивший Павскому нестандартно большую статью в биографическом справочнике, считал протоиерея Герасима самым выдающимся выпускником СПбДА: великой силой в литературе и науке XIX в., отличным богословом, знаменитым филологом, выдающимся патриотом с великими качествами правды и чести¹⁰. Немало высоких, добрых слов высказано о священническом служении и общественной деятельности протоиерея Герасима. Поэтому его имя не нуждается в реабилитации, и не страшно подходить критически к его трудам и методам.

Настоящая статья состоит из двух частей: исторической и аналитической. В первой выделены ключевые моменты жизненного пути протоиерея Герасима Павского, включая знаменитое «дело о переводе», – хорошо известные, но все же требующие внимания и расстановки акцентов. Во второй части проведена попытка выявления исследовательских принципов протоиерея Герасима.

Первый этап жизни протоиерея Герасима был обычен для юноши духовного сословия, сына священника, но с одной особенностью: годы учения пришлись на период радикальных преобразований в духовно-учебной области, что так или иначе должно было сказаться на научном становлении воспитанников этих лет. Попав в 1797 г. в десятилетнем возрасте в Александро-Невскую семинарию, получившую как раз тогда статус академии и связанное с этим упо-

---

⁸ *Протопопов С.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: Материалы для его биографии // Странник. 1876. № 1. С. 4.

⁹ *Барсов Н. И.* Протоиерей Герасим Петрович Павский // РС. 1880. № 1. С. 111, 112.

¹⁰ *Родосский А. С.* Списки первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. 343–349. См. также: *Он же.* Памяти протоиерея Герасима Петровича Павского: Столетие со дня его рождения. СПб., 1887 (отд. отт.: Церковный вестник. 1887. № 6).

вание на повышение учебного уровня¹¹, Герасим Павский проучился в этой академии 11 лет. Но на этом учебный путь богослова не кончился, ибо сразу по окончании «старой» Александро-Невской академии, в начале 1809 г., он был определен в новую СПбДА, открытую по правилам только что составленного проекта Устава, радикально менявшего российскую высшую духовную школу. Через четыре года Герасим Павский кончил академию первым по разрядному списку магистром, что дает основание видеть в нем наиболее яркий и состоятельный плод новой духовно-учебной концепции. Именно эта концепция, как представляется, в значительной степени определяла и дальнейшую научную деятельность Павского, поэтому необходимо выделить ее главные принципы, относящиеся к порядку и методу богословского познания. Первый – это понимание Священного Писания как главнейшего источника богословского знания, поставление его чтения и толкования на первое место в «школьном» богословии, прежде догматики. При этом студентов ориентировали на самостоятельную работу с оригинальными текстами Священного Писания, поэтому важным элементом образования было повышенное внимание к языкам, особенно к языкам Писания – греческому и еврейскому. Второй принцип – важность практического богословия в широком смысле слова: применение теоретических богословских истин и к решению актуальных проблем церковной жизни, и к жизни каждого христианина. Так, учивший курс Герасима Павского богословию архимандрит Филарет (Дроздов), будущий святитель, выделял в высшем богословском знании три этапа: богословие посредствующее, или толковательное (*Theologia instrumentalis*, *Hermeneutica*), богословие составительное (*Constitutiva*) и применительное (*Applicativa*)¹². То есть богословские истины черпаются непосредственно из Священного Писания, а лишь затем из этих истин составляется богословская система, смысл которой – в применении к решению вопросов и проблем

¹¹ См.: Именной, данный Синоду указ от 18 декабря 1797 г. «Об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани» // ПСЗ I. Т. XXIV. СПб., 1830. № 18273. С. 821–823.

¹² См.: *Филарет (Дроздов)*, архим. *Обозрение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах* // Собрание мнений. Т. I. СПб., 1885. С. 125–126.

церковной жизни. Третьим принципом новой концепции являлось стремление пробудить у учащихся самостоятельность мышления. В проекте Устава духовных академий, составленном в 1809 г., прямо говорилось, что обучение должно быть построено «на развитии собственных сил и деятельности разума в воспитанниках», поэтому «доброй методе противны пространные объяснения, показывающие более знания учителя, но не способствующие пытливости ума слушателей», — напротив, следует «заставлять студентов самих изъяснять истины, ими открытые»¹³.

Проводимое преобразование духовных школ было грандиозным экспериментом, а любой эксперимент подразумевает риск и возможную неожиданность результатов, и особой «группой риска» стал, конечно, первый курс столичной академии — «пробный камень» для проекта реформы¹⁴. Интересно, что в дальнейшем, вспоминая студенческие годы, протоиерей Герасим выделял в качестве лучших и заметных преподавателей, оказавших на него в той или иной степени влияние, святителя Филарета, преподававшего богословие и Священное Писание, и Иоганна Фесслера, преподававшего еврейский язык, философию и церковные древности¹⁵. Такое соединение двух имен в наши дни, конечно, не

¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 1 (Дело о составлении Устава духовных академий в феврале 1809 — апреле 1810 гг.). Л. 46—47.

¹⁴ Этот первый курс начал обучение в феврале 1809 г., завершил в мае 1814 г. Все эти годы других курсов в СПбДА не набирали, не подвергали преобразованию и другие духовные академии. На опыте обучения первого курса столичной академии проект Устава был скорректирован и лишь после этого получил высочайшее утверждение и распространен на остальные академии (см.: Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 910—954).

¹⁵ Из воспоминаний Павского. См.: *Барсов Н. И.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: Очерк его жизни по новым материалам // РС. 1880. № 1. С. 118.

Профессор Игнац-Аврелий Фесслер был приглашен из Львова в 1809 г. по предложению М. М. Сперанского на кафедру еврейского языка, несмотря на профессиональную специфику первого: в его жизни были католический орден капуцинов, лютеранство, масонство, которое он пытался реформировать. В придачу к еврейскому языку Фесслер получил для преподавания философию и церковные древности. Однако весной 1810 г., когда конспекты профессора

может не удивить: знаменитый святитель — «камертон» русского богословия — и реформатор немецкого масонства, католический монах-капуцин, перешедший в лютеранство. Само попадание Фесслера в православную духовную академию было яркой чертой проводимого эксперимента. После здравого осмысления ситуации и подробного знакомства с конспектами австрийского знатока, священноначалие решило, что риск слишком велик, и Иоганн Фесслер, проучив студентов лишь пять месяцев (с февраля по июль 1810 г.), покинул СПбДА¹⁶. Но на Павского Фесслер успел произвести впечатление и заронить тягу к еврейскому языку. Да и сам Фесслер отмечал из своих недолгих учеников только двоих — Герасима Павского и Иродиона Ветринского. Интересно, что в дальнейшем они «поделили» между собой преподавательские интересы своего недолгого учителя: если Герасим Павский по окончании академии был определен к преподаванию еврейского языка, о чем будет сказано ниже, то Иродион Ветринский — к преподаванию церковных древностей. И деятельность последнего также была сопряжена с немалыми проблемами: так, курс его академических лекций по церковным древностям, построенный на основе известного пособия английского археолога И. Бингама, в дальнейшем обработанный и представленный в виде пятитомной монографии, вызвал критику святителя Филарета (Дроздова) за «изречения», представляющие «смысл сбивчивый, ложный, а иногда почти никакого», «неприличные для читателей всякого звания», «благоприятствующие то латинству, то

Фесслера получили жесткую критику члена Комиссии духовных училищ архиепископа Феофилакта (Русанова) — автор обвинялся в рационализме, пантеизме, идеализме, мистицизме, при этом, как ни парадоксально, в атеизме (за высказывание, что Иисус Христос есть не более как величайший философ), — Фесслер был выведен из СПбДА (см.: *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX в. Комиссия Духовных Училищ. СПб., 1894. С. 48–52; *Попов Н. А.* Фесслер И. А.: Биографический очерк // Вестник Европы. 1879. Кн. 4. С. 586–643; *Barton P. F.* Ignatius Aurelius Fessler. Wien; Köln; Graz, 1969; *Горбачев Д. В.* Фесслер — немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217–224).

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–10; см.: *Горский А. В., прот.* Дневник. М., 1885. С. 91–92; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 193–198.

протестантству, а Священному Писанию и истинному Преданию противоречащие»¹⁷.

Иоганн Фесслер со своими специфическими богословскими воззрениями был ярким, но кратким штрихом воспитания I курса СПбДА. Крайне редко вспоминают его преемника – как по философии, так и по еврейскому языку – Иоганна фон Хорна, доктора богословия и философии, бывшего профессора Геттингенского университета, преподававшего указанные предметы с 1810 по 1814 г. А на некоторые тезисы этого профессора, положенные в основу его преподавания, следует обратить внимание при изучении научного творчества его учеников. Так, И. Хорн был уверен, что «филологическое изъяснение Ветхого Завета всегда останется основой для изъяснения Нового Завета, а то и другое вместе – основой ученой обработки догматики и нравоучения», а если кто-либо из богословов исходит из иного порядка, то это «происходит от скудного наставления в языке еврейском»¹⁸. Немаловажен и метод преподавания этого наставника: он изъяснял Ветхий Завет грамматически, филологически, на основании сравнительного языкознания, и исторически, с максимальным учетом контекста и его отражения в самих священных книгах. Особое внимание он обращал на сравнение старых переводов Писания – арабского, сирийского, халдейского, Септуагинты, Вульгаты, – причем объяснял студентам, как можно судить о частых отклонениях греческого перевода от еврейского основного текста¹⁹.

---

¹⁷ Предложение митрополита Филарета Святейшему Синоду о замеченных им в книге «Памятники древней христианской Церкви» неприличных выражениях. 20 февраля 1830 г. // *Собрание мнений*. Т. II. СПб., 1885. С. 25–28. Полное название книги: *Ветринский И. Я.* Памятники древней христианской Церкви, или христианских древностей, с описанием: Таинств богослужения, храмов, праздников, постов, иерархии, разных соборных постановлений и всех обрядов и обычаев, бывших в древней Христианской Церкви: В 5 т. СПб., 1829–1845. Критике подвергся первый том пособия. Но, несмотря на то что, по настоянию святителя Филарета духовные училища и служащее духовенство были предостережены против употребления этой книги, это не помешало автору издать и последующие четыре тома.

¹⁸ Цит. по: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 216.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–5.

Следующим важным моментом научной биографии протоиерея Герасима было блестящее завершение академического курса: первым по разрядному списку, то есть по успешности, магистром, представившим серьезную выпускную диссертацию. Эта диссертация – «Обозрение книги Псалмов, опыт археологический, филологический и герменевтический» – была сразу же опубликована в виде самостоятельной монографии как свидетельство ученых достижений выпускников новой высшей духовной школы²⁰. Поэтому на нее следует обратить внимание. Заметим, что, несмотря на школьную латынь тех лет, это сочинение написано и издано на русском языке: святитель Филарет читал лекции по Священному Писанию (чтение Священного Писания и Священной герменевтики) на русском языке, поэтому лучший ученик писал диссертацию именно на этом языке. Сам протоиерей Герасим в последующие годы отмечал, что «о Псалтире я первый высказал верные сведения, что она не вся написана Давидом, а написана в разные времена еврейского народа и разными лицами»²¹. Русские библеисты последующих лет – например, уже упоминавшийся профессор СПбДА И. Г. Троицкий – считали этот критический вывод одним из главных достижений в библеистике первой половины XIX в.²² Конечно же, отмеченный вывод не самое главное научное достоинство диссертации Павского, однако выявляет не только историко-критический подход к происхождению библейских текстов, но и изрядную исследовательскую смелость для начала XIX в. Но в этом и была реализация новой духовно-учебной концепции, как ее понимал лучший представитель I курса: погружение в оригинальный текст Писания и самостоятельное изъяснение открытых истин. Экзегетическую часть магистерского исследования Павского также отличал историко-аналитический подход – автор старательно реконструировал исторический

---

²⁰ Павский Г. П. *Обозрение Книги Псалмов: Опыт археологический, филологический и герменевтический*. СПб., 1814.

²¹ Цит. по: Барсов Н. И. Протоиерей Герасим Петрович Павский... // РС. 1880. № 1. С. 128.

²² См.: Троицкий И. Г. Речь, произнесенная в актовом зале Санкт-Петербургской духовной академии в день столетнего юбилея со дня рождения покойного прот. Г. П. Павского 4 марта 1887 г. // ХЧ. 1887. № 5/6. С. 741.

контекст, однако акцент ставился на главный, пророческий – мессианский – смысл псалмов. Таким образом, главной целью всех научных изысканий было раскрытие богословского содержания Псалтири, но на основе археологического и филологического анализа.

По окончании академии Герасим Павский был оставлен в ней преподавателем, но не на богословском классе, как подобало бы первому магистру, а на языковом, преподавателем еврейского языка²³. В автобиографии Павский не скрывал своей обиды за это на ректора – архимандрита Филарета (Дроздова): «Вместо того, чтобы назначить мне богословскую кафедру, к чему я был способнее других, дали мне еврейский язык»²⁴. Нельзя не обратить внимания и на его слова: «Бог устроил так, что этот предмет сделался для меня приятнейшим занятием. В богословии я должен был лицемерить, лукавить, притворствоваться, а здесь – говорить правду и только изредка, чтобы не оскорбить лукавых, промалчивать». У святителя Филарета была определенная позиция: несмотря на то что, будучи в статусе ректора СПбДА, он давал высокие оценки успехам Павского (неизменно «отличные»)²⁵, к четкости богословских воззрений своего лучшего студента святитель относился все же с некоторым недоверием.

Так как положение небогословских предметов в высшей духовной школе само по себе составляло немалую проблему, следует обратить внимание на видение Герасимом Павским своих задач на еврейском классе: «Не язык (еврейский) был мне дорог, а Св. Писание, чистое, не искаженное толкованиями; посредством знания языка я хотел дойти до верного толкования и понимания Св. Писания. А известно, что верное понимание еврейского языка ведет к пониманию богословия»²⁶. Заметим, что хотя это самостоятельная позиция молодого преподавателя, в ней много

---

²³ См.: *Родосский А. С.* Списки первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. XXIX.

²⁴ Цит. по: *Барсов Н. И.* Протоиерей Герасим Петрович Павский... // РС. 1880. № 1. С. 120–121.

²⁵ Собрание мнений. Т. I. С. 41, 45, 51, 61.

²⁶ Цит. по: *Барсов Н. И.* Протоиерей Герасим Петрович Павский... // РС. 1880. № 1. С. 128.

общего с приведенными выше словами его второго учителя-гебраиста — Иоганна Хорна. Для учебных целей Павским были составлены грамматика и хрестоматия еврейского языка с подборкой библейских текстов, наиболее значимых с богословской точки зрения, а также еврейско-русский словарь. Видимо, протоиерей Герасим мог передать и студентам любовь к Священному Писанию, желание изучать его и переводить, причем именно с еврейского текста. Среди непосредственных учеников Павского наиболее известны двое: магистр II курса СПбДА преподобный Макарий (Глухарев), знаменитый алтайский миссионер, и магистр IV курса протоиерей Стефан Сабинин, всю жизнь прослуживший в Европе при русских посольских церквях и скончавшийся в один год со своим учителем²⁷. Первый перевел с еврейского языка все книги Ветхого Завета; второй еще в академии сделал собственный перевод книг Иова и Исаии²⁸.

Особой заслугой о. Герасима Павского нужно признать его личный вклад в дело перевода Священного Писания на русский язык. Еще в рамках Российского библейского общества (РБО) он перевел Евангелие от Матфея, Псалтирь, активно участвовал в переводе других книг Ветхого Завета. После того как в 1824 г. переводческие и издательские программы РБО были свернуты, протоиерей Герасим продолжил это дело самостоятельно, практически завершив перевод ветхозаветной части Библии.

Таланты Павского обуславливали его избрание на самые высшие служения. Еще в 1815 г. ректор СПбДА архимандрит Филарет, рекомендуя Павского на священническое место при Казанском соборе, свидетельствовал о достоинствах последнего²⁹. В 1819 г., при открытии Санкт-Петербургского университета,

---

²⁷ См.: *Макарий (Веретенников), архим.* Протоиерей Стефан Сабинин // Альфа и Омега. 2004. № 2 (40). С. 147–173.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 573 (Собрание СПбДА). Оп. 1. Д. А I-127 (Пророчества Исаии, переведенные с еврейского на русский язык и сопровождаемые в случае необходимости апологиею против критики новейших истолкователей также герменевтическими, историческими, археологическими, филологическими и критическими замечаниями. Сочинение Копенгагенской миссии священника магистра богословия Стефана Сабинина. 62 л.).

²⁹ См.: Собрание мнений. Т. I. С. 193–194.

именно Павского пригласили на кафедру богословия. Заметим, что его университетские богословские лекции строились на основе историко-сравнительного метода, о котором будет сказано ниже.

В 1826 г. император Николай I избрал о. Герасима в законоучители наследнику Александру – будущему императору Александру II. В период этого служения произошло первое открытое богословское противостояние святителя Филарета и протоиерея Герасима – по поводу книг, составленных законоучителем для своего наследного воспитанника: краткой богословской системы и церковной истории. Святитель Филарет усмотрел богословскую нечеткость, особенно в изложении тринитарного и сотериологического учения. Несмотря на печаль наследника и самого императора, протоиерей Герасим был удален от двора, и хотя сам о. Г. Павский усматривал причину своего удаления в зависти и ревности церковных иерархов к белому священнику, занявшему высокий пост, такое объяснение представляется чересчур легковесным – и здесь, как оказывается, стоял вопрос о богословском методе. Примечательно, что с отставкой протоиерея Герасима были связаны основные инициаторы ликвидации РБО: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) и архимандрит Юрьевского монастыря Фотий (Спасский). Это противление было вполне понятно: активное участие протоиерея Герасима в переводе Священного Писания на русский язык, причем с еврейского текста, делало его персоной нон грата в глазах так называемой «православной оппозиции». Так, в своей автобиографии архимандрит Фотий писал о Павском следующее: «С еврейского вручалось переводить священнику Герасиму Павскому, чуждому благодати и истины. Ему давали... не с греческого 70-ти толковников перевода, а прямо с еврейского Псалтирь переводить... Все виновные в допущении неистового перевода, а паче всех, как ученый первый действитель, митр. Филарет [Дроздов], пред Богом и Св. Церковью, он никакого извинения не заслуживает...»³⁰

В 1835 г. протоиерей Г. Павский покинул и СПбДА, однако в начале 1840-х гг. его – уже прошлая – деятельность вызвала новые

---

³⁰ Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1894. Т. 82. № 7. С. 224.

проблемы, которые и стали громким «делом протоиерея Герасима Павского». После ухода протоиерея Герасима из академии студенты на протяжении двух курсов литографировали сведенные воедино его переводы книг Ветхого Завета. Выпускниками 1838–1839 гг. было сделано 150 экземпляров, затем дело продолжили студенты следующего курса. Горячее желание не только выпускников столичной академии, но и учащихся и учащихся всех российских духовных школ, всего образованного духовенства, монашества и епископата получить этот перевод еще раз подтвердило необходимость русского перевода Библии, за который так ратовали и святитель Филарет (Дроздов), и его ученик Герасим Павский. Но для последнего эта востребованность его дела обернулась конфликтом. В 1841 г. трем митрополитам была послана анонимная записка, в которой говорилось о «злочестивом переводе», было начато следствие. Тексты перевода, которые оказались распространенными по всем епархиям и по всем духовным школам, изымались, иногда со строгостью, самого протоиерея Герасима вызвали для объяснения. Так как само литографирование и распространение делалось без ведома Павского, дело завершилось для него лишь сделанным внушением, но в процессе допроса протоиерей Герасим попытался пояснить сам метод, приведший к критикуемым результатам, о чем будет сказано далее. Следует обратить внимание и на то, что в связи с «делом Павского» встал общий вопрос о запрещении перевода Священного Писания на русский язык, и имя протоиерея Герасима вновь оказалось знаковым для этого деяния. Сторонником запрещения стал не только обер-прокурор Н. А. Протасов, для которого «дело Павского» оказалось «пробным камнем» его обер-прокурорской деятельности (1839–1855), но и столичный митрополит Серафим (Глаголевский), уже лежавший на одре болезни. Реализуя кажущийся ему наиболее надежным католический подход к Священному Писанию, преосвященный Серафим предложил канонизировать для всей Русской Церкви на все времена единый славянский текст, причем мирянам – во избежание неправильного понимания – запретить читать Библию самостоятельно, вне храма³¹. Этому твердо противостал святитель Московский Филарет (Дроздов), которому история Павского дала

³¹ См.: Собрание мнений. Т. III. С. 57–58.

повод сформулировать свою концепцию церковного отношения к Писанию³². Во-первых, Священное Писание дано не только клиру, но всей Церкви; во-вторых, «запретительные средства не довольно надежны тогда, когда любознательность, со дня на день более распространяющаяся, для своего удовлетворения бросается во все стороны, и тем усиленнее порывается на пути незаконные»³³. Спасти ситуацию может лишь составление «правильного и удобного пособия к разумению Священного Писания», в основу которого должны быть положены: а) текст Септуагинты; б) где нужно – «истина еврейская», то есть текст еврейский; в) самоистолкование Священного Писания Ветхого Завета в Новом; г) толкования отцов³⁴.

После истории с переводом протоиерей Павский отошел от всех преподавательских трудов, хотя, несмотря на все проблемы, он не был обижен регалиями. Если степень доктора богословия он получил еще до всех печальных событий, в 1821 г., за труды по переводу Священного Писания в рамках РБО, то на закате земной жизни он удостоился звания академика Императорской академии наук – за четырехтомный труд «Филологические наблюдения над составом русского языка».

Проводить какой-либо анализ исследовательских методов протоиерея Герасима нельзя без соотношения их с богословскими взглядами его учителя по академии – святителя Филарета (Дроздова), несмотря на заметное различие в их богословском языке и манере. Тесная связь ректора, профессора богословского класса и лучшего выпускника академии, единомышленников и соратников в деле перевода Священного Писания в дальнейшем переросла в очень непростые научные отношения, которые в некоторых ситуациях становились резко полемичными.

Распространенное мнение, что протоиерей Герасим по заказу написал четыре критических статьи о трудах святителя Филарета – «Разговорах между испытующего с уверенным», «Записках на книгу

---

³² См.: Собрание мнений. Т. III. С. 54–68; *Филарет (Дроздов), свт.* О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого Семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания // Прибавления к творениям святых отцов. 1858. Ч. XVII. Кн. 3. С. 452–484.

³³ Собрание мнений. Т. III. С. 55.

³⁴ См.: Там же.

Бытия» и «Катехизиса», — а святитель в отместку обвинил первого в неправославном образе мыслей³⁵, кажется несправедливым по отношению к обоим богословам. Но конечно, настороженного отношения святителя к богословским работам своего бывшего ученика нельзя не заметить. В этой настороженности и даже полемичности, конечно, важно разобраться: как кажется на первый взгляд, у святителя Филарета и протоиерея Герасима много общего. Так, оба имели особое отношение к Священному Писанию, считая слово Божие, вне всякого сомнения, главнейшим источником богословского ведения и именно Писанием стараясь поверять все богословские идеи. Оба были не чужды исторического подхода, причем в той или иной мере применяли этот подход к Писанию.

Даже некоторые обвинения в зависимости от протестантских авторов выдвигались к обоим. И в этом последнем есть некоторая загадка. Так, многие современники придерживались мнения о сильной зависимости работ святителя Филарета от идей протестантского богослова Иоганна Франца Буддея³⁶. В свою очередь святитель Филарет еще в 1828 г. писал в Синод о сомнительных, с его точки зрения, выражениях в статье Павского, посвященной богословию святителя Григория Богослова. В частном письме он определил их причины: «Мне кажется, что издатели немецкое кушанье, не разжевав, глотают»³⁷.

Учебные курсы и работы Павского вызывали настороженность не только у святителя Филарета: о. Герасима обвиняли — как, впрочем, и некоторых других современных ему представителей духовных академий³⁸ — в «неологизме», имея в виду соответствующее направление в протестантском богословии XVIII в. Хотя границы «неологизма» весьма расплывчаты, для него как явления можно

---

³⁵ См.: *Барсов Н. И.* Критика сочинений Филарета (Дроздова), митрополита Московского, в 30-х годах // ХЧ. 1881. № 11/12. С. 765–767.

³⁶ См.: *Барсов Н. И.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: очерк его жизни по новым материалам // РС. 1880. Т. XXVII. Кн. 1. С. 122.

³⁷ Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1869. Т. I. С. 57.

³⁸ Преподавателей СПбДА С. Красноцветова и протоиерея Ф. Ф. Сидонского, ректора КДА архимандрита Иннокентия (Борисова), позднее даже профессора МДА А. В. Горского.

выделить несколько характерных черт. Прежде всего, это применение к исследованиям в области догматики и Священного Писания историко-критического метода, приводившее нередко к радикальным выводам: историческое появление догматов как конкретных формул лишало их статуса истин абсолютного порядка, позволяло пересматривать и переосмыслять. Историзм же Священного Писания позволял богословам этого направления автономно воспринимать содержание двух Заветов, не обуславливая осмысление Ветхого Завета Новым.

Был ли этот радикальный вариант историко-критического подхода в богословии Павского? Вне всякого сомнения, «историзм» был характерен для протоиерея Герасима, он даже настаивал именно на таком подходе. «Исторический взгляд на религию должен предшествовать всякому другому взгляду», и потому изучение богословия должно начинаться со Священной истории: «и нравственное, и догматическое учение родилось и составилось на основании истории»³⁹, ибо исторические события предшествовали формулировкам догматических и нравственных норм Церкви, и первые обуславливали необходимость последних.

Поэтому рассматривать догматы протоиерей Герасим считал необходимым в перспективе их исторического становления, и эту принципиальную позицию он клал в основу своих богословских трудов. Так, например, формирование церковного учения о Пресвятой Троице он относил ко II и III вв., когда «стали происходить об нем споры» и этот догмат «не только входит в систему учения, но и в историю; ибо история есть повествование проишествий»⁴⁰.

Разумеется, и в Священном Писании Павский искал изначальный, «исторический» смысл текста. Так как «Св. Писатели писали для тех, которые жили с ними, и потому писали сообразно с понятиями, нравами и обыкновениями современников», каждый священный текст надо было поставить в соответствующие

---

³⁹ Цит. по: Барсов Н. И. Протоиерей Герасим Петрович Павский... // РС. 1880. № 2. С. 280.

⁴⁰ Там же. С. 281.

исторические условия и проблематику. Протоиерей Герасим ставил перед собой задачу «представить *библейское учение*», когда «*церковное* понятие о той или другой книге еще не существовало, и когда не произнес об ней суждения ни св. Афанасий, ни другой кто из св. отцов»⁴¹. Он шел от первичного – исторического и филологического – анализа текста, выявляя его «чистый» смысл, и именно этот – исторический – подход, казалось бы, противостоял старой схоластической системе, с которой мучительно боролись русские «академики» в XIX в.

Но святитель Филарет, не менее твердо противостоявший «схоластицизму» и не чуждый исторического метода в богословии⁴², очень жестко оценивал перевод протоиерея Герасима книг Ветхого Завета: «ложное, не сообразное с достоинством Священного Писания и вредное понятие о пророчествах и некоторых книгах Ветхого Завета» с «примечаниями, далеко уклоняющимися от истинного разума слова Божия и толкования святых отец»⁴³.

Отвечая комиссии, созданной для «истребования объяснений от протоиерея Г. Павского»⁴⁴, последний заверил в своей полной верности всем догматам Православной Церкви и признании богодухновенности Священного Писания, однако все же изложил основные принципы своего перевода. Для нашей темы важны четыре главных:

1. «Историзм» библейского текста. Тексты Ветхого Завета должны толковаться из самих себя, а не из свершения их пророчеств в Новом Завете и тем более их святоотеческого истолкования. Историческое же понимание самих книг Ветхого Завета требовало доскональной исторической идентификации разных фрагментов и выстраивания их в соответствующем порядке, что побуждало протоиерея Герасима нарушать привычный канонический порядок и переставлять целые книги, главы и стихи с одного места на другое⁴⁵.

⁴¹ Барсов Н. И. Протоиерей Герасим Петрович Павский... С. 288.

⁴² См., например: *Филарет (Дроздов) свт.* Историко-догматическое обозрение учения о Таинствах: Из акад. лекций Филарета, митрополита Московского. М., 1901.

⁴³ *Собрание мнений и отзывов...* Т. III. С. 54–55.

⁴⁴ *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. С. 152–153.

⁴⁵ См.: Там же. С. 168.

2. Филологическая специфика перевода. И в самом переводе, и в комментариях протоиерей Герасим придерживался исключительно метода, соответствующего преподаваемому им предмету, «посредством разных филологических соображений» доводя студентов до «возможно ясного разумения Библии». Богословское толкование мессианских мест Ветхого Завета относилось к другому предмету академического знания — догматике⁴⁶.

3. Специальная предназначенность перевода протоиерея Павского — исключительно для ученого академического круга, сведущего в полноценном комплексе богословских наук (включая герменевтику и догматику). Этот перевод не давал «полного знания слова Божия», поэтому протоиерей Герасим не считал его годным для «всенародного употребления»⁴⁷.

4. Частные мнения — в том числе связанные с изучением Священного Писания — не нарушают единства Церкви, скрепленной единством догматов, и не должны нарушать единства душ и любви христианской⁴⁸.

Как кажется, во второй половине XIX в. исторический метод победил в богословии, по существу изменив всю ситуацию с библейскими и богословскими исследованиями, создав для них истинно научную основу. Это отразилось и на «школьном» богословии: новым Уставом 1869 г. в духовных академиях была введена «История догматов», исторический метод задал камертон и в библеистике. Таким образом, как кажется, методические интуиции Павского подтвердились, а он сам оказался пионером применения историко-критического метода в отечественной школе и, далеко обогнав своих современников, оказался в вакууме непонимания. Именно в этом видели его главную научную заслугу современники и преемники: «...в своей ученой деятельности Г. П. наметил те пути, по которым должна идти академическая наука, для того чтобы быть знанием, прочным по своим основам и плодотворным по своим выводам», «в своих объяснениях»

⁴⁶ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. С. 158, 166.

⁴⁷ См.: Там же. С. 168.

⁴⁸ См.: Там же. С. 165.

положил «прочное основание для историко-филологического метода»⁴⁹.

К каким же выводам приводит проведенный анализ?

1. Прежде всего, протоиерей Герасим Павский действительно явился закономерным плодом духовно-учебной реформы, проведенной в начале XIX в., с ее несомненными плюсами и отдельными минусами, которые в дальнейшем замечались и более или менее успешно корректировались. С одной стороны, в деятельности протоиерея Герасима был плодотворно реализован настойчивый призыв к творческому развитию «духовной учености» и самостоятельности богословских выводов, основанных на изучении главного источника богословия – Священного Писания – на его оригинальных языках. С другой стороны, нельзя не заметить, что на его исследования повлияли некоторые специфические взгляды преподавателей, с которыми встретился «экспериментальный» курс СПбДА. Эти, как кажется, противоречивые черты были характерны и для многих однокурсников Павского, но яркость и талантливость личности и активность деятельности протоиерея Герасима привели к сугубому проявлению этих черт в его трудах.

То, что протоиерей Герасим Павский был «плоть от плоти и кость от кости» богословских чаяний и проблем его эпохи, неоднократно свидетельствовалось и неразрывной связью его личности с переводом Священного Писания на русский язык: критика перевода отражалась на судьбе протоиерея Герасима, а частные недостатки его личного перевода влекли за собой желание запретить русскую Библию как факт.

2. Можно согласиться с мнением биографов и почитателей протоиерея Герасима Павского о том, что в своей дальнейшей научной деятельности он обогнал свое время и своих современников почти на полвека. Действительно, *историческое* изучение догматов в 1860-х гг. станет наиболее принимаемым, а стремление видеть в святоотеческом наследии его многообразии, не смущаясь противоположностями во взглядах святых отцов на те или иные вопросы, в

---

⁴⁹ *Троицкий И. Г.* Речь, произнесенная в актовом зале Санкт-Петербургской духовной академии в день столетнего юбилея со дня рождения покойного прот. Г. П. Павского 4 марта 1887 г. // ХЧ. 1887. № 5/6. С. 745.

конце XIX в. будет не чуждо русской богословской науке. К профессионально-филологическому анализу Священного Писания и святоотеческих текстов в начале XX в. русские духовные школы будут даже настойчиво призываться.

Но, разумеется, все эти подходы и мнения требовали очень чуткого церковно-богословского камертона, а при ослаблении такового приводили к искажениям и ошибкам. Шагнув так быстро и далеко, протоиерей Герасим совершил те ошибки, которые русские богословы делали в дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий, вводя исторический метод в свои исследования, заходя в тупик, исправляясь и корректируя свои научные подходы. Концентрация этих — на начальном этапе, видимо, неизбежных — вопросов и ошибок в трудах протоиерея Герасима приводила к тем «срывам» в его напряженной деятельности, на которые было указано выше.

3. Однако в научных взглядах протоиерея Герасима была и специфика, отличавшая его прежде всего от его учителя — святителя Филарета. Как представляется, у святителя Филарета и протоиерея Герасима было разное понимание исторического метода, «историзма» и самого времени.

Для протоиерея Герасима Священная история, изложенная в Библии, подчинялась обычным законам земного времени и исторического процесса, поэтому смотреть на Ветхий Завет через призму Нового, а на Новый — через призму святых отцов было для него нарушением принципа «историзма».

Святитель Филарет же видел в Священном Писании историю спасения, ключевыми моментами которой было Боговоплощение и Воскресение. Поэтому подходить к Священной истории без учета этого было для него нарушением принципа «сакрального историзма».

Видимо, этой интуиции «сакрального историзма» протоиерею Герасиму не хватало в его исследованиях.